

Лев Николаевич Толстой

О жизни



Лев Николаевич Толстой

О жизни

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=22123874*

О жизни:

Аннотация

«...Представим себе человека, которого единственным средством к жизни была бы мельница. Человек этот – сын и внук мельника и по преданию твердо знает, как надо во всех частях ее обращаться с мельницей, чтобы она хорошо молола. Человек этот, не зная механики, прилаживал, как умел, все части мельницы так, чтобы размол был спорый, хороший, и человек жил и кормился. Но случилось этому человеку раздуматься над устройством мельницы, услышать кое-какие неясные толки о механике, и он стал наблюдать, что от чего вертится...»

Содержание

Вступление	6
Глава I	23
Глава II	28
Глава III	34
Глава IV	37
Глава V	41
Глава VI	48
Глава VII	52
Глава VIII	56
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Лев Николаевич Толстой

О жизни

L'homme n'est qu'un roseau, le plus faible de la nature, mais c'est un roseau pensant. Il ne faut pas que l'univers entier s'arme pour l'écraser. Une vapeur, une goutte d'eau suffit pour le tuer. Mais quand l'univers l'écraserait, l'homme serait encore plus noble que ce qui le tue, parce qu'il sait qu'il meurt: et l'avantage que l'univers a sur lui, l'univers n'en sait rien. Ainsi, toute notre dignité consiste dans la pensée. C'est de là qu'il faut nous relever, non de l'espace et de la durée. Travaillons donc à bien penser: voilà le principe de la morale.

Pascal.

Zwei Dinge erfüllen mir das Gemüth mit immer neuer und zunehmender Bewunderung und Ehrfurcht, je öfter und anhaltender sich das Nachdenken damit beschäftigt: der bestirnte Himmel über mir, und das moralische Gesetz in mir... Das erste fängt von dem Platze an, den ich in der äussern Sinnenwelt einnehme, und erweitert die Verknüpfung, darin ich stehe, ins unabsehlich Grosse mit Welten über Welten und Systemen von Systemen, überdem noch in grenzenlose Zeiten ihrer periodischen Bewegung, deren Anfang und Fortdauer. Das zweite fängt von meinem unsichtbaren Selbst, meiner Persönlichkeit an, und stellt mich in einer Welt dar, die wahre Unendlichkeit hat, aber nur dem Verstande spürbar ist, und mit welcher ich mich, nicht wie dort in blos zufälliger, sondern allgemeiner und nothwendiger

Verknüpfung erkenne.

Kant. [Krit. der pract. Vern. Beschluss].

«Заповедь новую даю вам, да любите друг друга».

Ев. Иоан. XII, 34

Вступление

Представим себе человека, которого единственным средством к жизни была бы мельница. Человек этот – сын и внук мельника и по преданию твердо знает, как надо во всех частях ее обращаться с мельницей, чтобы она хорошо молола. Человек этот, не зная механики, прилаживал, как умел, все части мельницы так, чтобы размол был спорый, хороший, и человек жил и кормился.

Но случилось этому человеку раздуматься над устройством мельницы, услышать кое-какие неясные толки о механике, и он стал наблюдать, что от чего вертится.

И от порхлицы до жернова, от жернова до вала, от вала до колеса, от колеса до заставок, плотины и воды, дошел до того, что ясно понял, что всё дело в плотине и в реке. И человек так обрадовался этому открытию, что вместо того, чтобы, по прежнему, сличая качество выходящей муки, опускать и поднимать жернова, ковать их, натягивать и ослаблять ремень, стал изучать реку. И мельница его совсем разладилась. Стали мельнику говорить, что он не то делает. Он спорил и продолжал рассуждать о реке. И так много и долго работал над этим, так горячо и много спорил с теми, которые показывали ему неправильность его приема мысли, что под конец и сам убедился в том, что река и есть самая мельница.

На все доказательства неправильности его рассуждений,

такой мельник будет отвечать: никакая мельница не мелет без воды; следовательно, чтоб знать мельницу, надо знать, как пускать воду, надо знать силу ее движения и откуда она берется, — следовательно, чтобы знать мельницу, надо познать реку.

Логически мельник неопровержим в своем рассуждении. Единственное средство вывести его из его заблуждения состоит в том, чтобы показать ему, что в каждом рассуждении не столько важно само рассуждение, сколько занимаемое рассуждением место, т. е. что для того, чтобы плодотворно мыслить, необходимо знать, о чем прежде надо мыслить и о чем после; показать ему, что разумная деятельность отличается от безумной только тем, что разумная деятельность распределяет свои рассуждения по порядку их важности: какое рассуждение должно быть 1-м, 2-м, 3-м, 10-м, и т. д. Безумная же деятельность состоит в рассуждениях без этого порядка. Нужно показать ему и то, что определение этого порядка не случайно, а зависит от той цели, для которой и производятся рассуждения.

Цель всех рассуждений и устанавливает порядок, в котором должны располагаться отдельные рассуждения, для того чтобы быть разумными.

И рассуждение, не связанное с общей целью всех рассуждений, безумно, как бы оно ни было логично.

Цель мельника в том, чтобы у него был хороший размол, и эта-то цель, если он не будет упускать ее из вида, опреде-

лит для него несомненный порядок и последовательность его рассуждений о жерновах, о колесе, плотине и о реке.

Без этого же отношения к цели рассуждений, рассуждения мельника, как бы они ни были красивы и логичны, сами в себе будут неправильны и, главное, праздны; будут подобны рассуждениям Кифы Мокеевича, рассуждавшего о том, какой толщины должна бы быть скорлупа слоновового яйца, если бы слоны выводились из яиц как птицы. И таковы, по моему мнению, рассуждения нашей современной науки о жизни.

Жизнь есть та мельница, которую хочет исследовать человек. Мельница нужна для того, чтобы она хорошо молола, жизнь нужна только затем, чтобы она была хорошая. И эту цель исследования человек не может покидать ни на одно мгновение безнаказанно. Если он покинет ее, то его рассуждения неизбежно потеряют свое место и сделаются подобны рассуждениям Кифы Мокеевича о том, какой нужен порох, чтобы пробить скорлупу слоновых яиц.

Исследует человек жизнь только для того, чтобы она была лучше. Так и исследовали жизнь люди, подвигающие вперед человечество на пути знания. Но, рядом с этими истинными учителями и благодетелями человечества, всегда были и теперь есть рассудители, покидающие цель рассуждения и вместо нее разбирающие вопрос о том, отчего происходит жизнь, отчего вертится мельница. Одни утверждают, что от воды, — другие, что от устройства. Спор разгорается, и пред-

мет рассуждения отодвигается всё дальше и дальше и совершенно заменяется чуждыми предметами.

Есть старинная шутка о споре жидовина с христианином. Рассказывается, как христианин, отвечая на запутанные тонкости жидовина, ударил его ладонью по плечи так, что щелкнуло, и задал вопрос: от чего щелкнуло? от ладони или от плечи? И спор о вере заменился новым неразрешимым вопросом.

Что-то подобное с древнейших времен рядом с истинным знанием людей происходит и по отношению к вопросу о жизни.

С древнейших времен известны рассуждения о том, отчего происходит жизнь? от невещественного начала или от различных комбинаций материи? И рассуждения эти продолжают до сих пор, так что не предвидится им никакого конца, именно потому, что цель всех рассуждений оставлена и рассуждается о жизни независимо от ее цели; и под словом жизнь разумеют уж не жизнь, а то, отчего она происходит, или то, что ей сопутствует.

Теперь, не только в научных книжках, но и в разговорах, говоря о жизни, говорят не о той, которую мы все знаем, – о жизни, создаваемой мною теми страданиями, которых я боюсь и которые ненавижу, и теми наслаждениями и радостями, которых я желаю; а о чем-то таком, что, может быть, возникло из игры случайности по некоторым физическим законам, а может быть и от того, что имеет в себе таинственную

причину.

Теперь слово «жизнь» приписывается чему-то спорному, не имеющему в себе главных признаков жизни: сознания страданий и наслаждений, стремления к благу.

«La vie est l'ensemble des fonctions, qui résistent à la mort. La vie est l'ensemble des phénomènes, qui se succèdent pendant un temps limité dans un être organisé». «Жизнь есть двойной процесс разложения и соединения, общего и вместе с тем непрерывного. Жизнь есть известное сочетание разнородных изменений, совершающихся последовательно. Жизнь есть организм в действии. Жизнь есть особенная деятельность органического вещества. Жизнь есть приспособление внутренних отношений к внешним».

Не говоря о неточностях, тавтологиях, которыми наполнены все эти определения, сущность их всех одинакова, именно та, что определяется не то, что все люди одинаково бесспорно понимают под словом «жизнь», а какие-то процессы, сопутствующие жизни и другим явлениям.

Под большинство этих определений подходит деятельность восстанавливающегося кристалла; под некоторые подходит деятельность брожения, гниения, и под все подходит жизнь каждой отдельной клеточки моего тела, для которых нет ничего – ни хорошего, ни дурного. Некоторые процессы, происходящие в кристаллах, в протоплазме, в ядре протоплазмы, в клеточках моего тела и других тел, называют тем словом, которое во мне неразрывно соединено с сознанием

стремления к моему благу.

Рассуждение о некоторых условиях жизни, как о жизни, всё равно, что рассуждение о реке, как о мельнице. Рассуждения эти, может быть, для чего-нибудь очень нужны. Но рассуждения эти не касаются того предмета, который они хотят обсуживать. И потому все заключения о жизни, выводимые из таких рассуждений, не могут не быть ложны.

Слово «жизнь» очень коротко и очень ясно, и всякий понимает, что оно значит. Но именно потому, что все понимают, что оно значит, мы и обязаны употреблять его всегда в этом понятном всем значении. Ведь слово это понятно всем не потому, что оно очень точно определено другими словами и понятиями, а напротив, потому, что слово это означает основное понятие, из которого выводятся многие, если не все другие понятия, и поэтому для того, чтобы делать выводы из этого понятия, мы обязаны прежде всего принимать это понятие в его центральном, бесспорном для всех значении. А это-то самое, мне кажется, и было упущено спорящими сторонами по отношению к понятию жизни. Случилось то, что основное понятие жизни, взятое в начале не в его центральном значении, вследствие споров о нем всё более и более удаляясь от основного, всеми признаваемого центрального значения, потеряло наконец свой основной смысл и получило другое, несоответствующее ему значение. Сделалось то, что самый центр, из которого описывали фигуры, оставлен и перенесен в новую точку.

Спрячьте о том, есть ли жизнь в клеточке или в протоплазме или еще ниже, в неорганической материи? Но прежде чем спорить, надо спросить себя: имеем ли мы право приписывать понятие жизни клеточке?

Мы говорим, например, что в клеточке есть жизнь, что клеточка есть живое существо. А между тем основное понятие жизни человеческой и понятие той жизни, которая есть в клеточке, суть два понятия, не только совершенно различные, но и не соединимые. Одно понятие исключает другое. Я открываю, что мое тело всё без остатка состоит из клеточек. Клеточки эти, мне говорят, имеют то же свойство жизни, как и я, и суть такие же живые существа, как и я; но себя я признаю живым за только потому, что я сознаю себя со всеми клеточками, составляющими меня, одним нераздельным живым существом. Весь же я без остатка, мне говорят, составлен из живых клеточек. Чему же я припишу свойство жизни — клеточкам или себе? Если я допущу, что клеточки имеют жизнь, то я от понятия жизни должен отвлечь главный признак своей жизни, сознание себя единым живым существом; если же я допущу, что я имею жизнь, как отдельное существо, то очевидно, что клеточкам, из которых состоит всё мое тело и о сознании которых я ничего не знаю, я никак не могу приписать того же свойства.

Или я живой и во мне есть неживые частицы, называемые клеточками, — или есть сонмище живых клеточек, а мое сознание жизни не есть жизнь, а только иллюзия.

Мы ведь не говорим, что в клеточке есть что-то такое, что мы называем *брызнь*, а говорим, что есть «жизнь». Мы говорим: «жизнь», потому что под этим словом разумеем не какой-то *x*, а вполне определенную величину, которую мы знаем все одинаково и знаем только из самих себя, как сознание себя с своим телом единым, нераздельным с собою, и потому такое понятие неотносимо к тем клеточкам, из которых состоит мое тело.

Какими бы исследованиями и наблюдениями ни занимался человек, для выражения своих наблюдений он обязан под каждым словом разуместь то, что всеми одинаково бесспорно разумеется, а не какое-либо такое понятие, которое ему нужно, но никак не сходится с основным, всем известным понятием. Если можно слово «жизнь» употреблять так, что оно обозначает безразлично: и свойство всего предмета, и совсем другие свойства всех составных частей его, как это делается с клеточкой и животным, состоящим из клеточек, то можно также употреблять и другие слова, – можно, например, говорить, что так как все мысли из слов, а слова из букв, а буквы из черточек, то рисование черточек есть то же, что изложение мыслей, и потому черточки можно назвать мыслями.

Самое обычное явление, например, в научном мире – слышать и читать рассуждения о происхождении *жизни* из игры физических, механических сил.

Да едва ли не большинство научных людей держится это-

го... затрудняюсь, как сказать... мнения не мнения, парадокса не парадокса, а скорее шутки или загадки. Утверждается, что жизнь происходит от игры физических и механических сил, – тех физических сил, которые мы называли физическими и механическими только в противоположность понятию жизни.

Очевидно, что неправильно прилагаемое к чуждым ему понятиям слово «жизнь», уклоняясь далее и далее от своего основного значения, в этом значении удалилось от своего центра до того, что жизнь предполагается уже там, где, по нашему понятию, жизни и быть не может. Утверждается подобное тому, что есть такой круг или шар, в котором центр вне его периферии.

В самом деле, жизнь, которую я не могу себе представить, иначе, как стремлением от зла к благу, происходит в той области, где я не могу видеть ни блага, ни зла. Очевидно, что центр понятия жизни перестановлен совсем. Мало того, следя за исследованиями об этом чем-то, называемом жизнью, я вижу даже, что исследования эти и не касаются почти никаких известных мне понятий. Я вижу целый ряд новых понятий и слов, имеющих свое условное значение в научном языке, но не имеющих ничего общего с существующими понятиями.

Известное мне понятие жизни понимается не так, как все понимают его, и выводные из него понятия тоже не сходятся с обычными понятиями, а являются новые, условные поня-

тия, получающие соответствующие выдуманнные названия.

Человеческий язык вытесняется всё более и более из научных исследований, и вместо слова, средства выражения существующих предметов и понятий, воцаряется научный воляпюк, отличающийся от настоящего воляпюка только тем, что настоящий воляпюк общими словами называет существующие предметы и понятия, а научный – несуществующими словами называет несуществующие понятия.

Единственное средство умственного общения людей есть слово, и для того, чтобы общение это было возможно, нужно употреблять слова так, чтобы при каждом слове несомненно вызывались у всех соответствующие и точные понятия. Если же можно употреблять слова как попало и под словами разумеать, что нам вздумается, то лучше уж не говорить, а показывать всё знаками.

Я согласен, что определять законы мира из одних выводов разума без опыта и наблюдения есть путь ложный и ненаучный, т. е. не могущий дать истинного знания; но если изучать заявления мира опытом и наблюдениями, и вместе с тем руководствоваться в этих опытах и наблюдениях понятиями не основными, общими всем, а условными, и описывать результаты этих опытов словами, которым можно приписывать различное значение, то не будет ли еще хуже? Самая лучшая аптека принесет величайший вред, если ярлыки на банках будут наклеиваться не по содержанию, а как удобнее аптекарю.

Но мне скажут: наука и не ставит себе задачей исследования всей совокупности жизни (включая в нее волю, желание блага и душевный мир); она только делает отвлечение от понятия жизни тех явлений, которые подлежат ее опытным исследованиям.

Вот это было бы прекрасно и законно. Но мы знаем, что это совсем не так в представлении людей науки нашего времени. Если бы было прежде всего признано понятие жизни в его центральном значении, в том, в котором все его понимают, и потом было бы ясно определено, что наука, сделав от этого понятия отвлечение всех сторон его, кроме одной, подлежащей внешнему наблюдению, рассматривает явления с одной этой стороны, для которой она имеет свойственные ей методы исследования, тогда бы было прекрасно и было бы совсем другое дело: тогда и место, которое заняла бы наука, и результаты, к которым бы мы приходили на основании науки, были бы совсем другие. Надо говорить то, что есть, а не скрывать того, что мы все знаем. Разве мы не знаем, что большинство опытно-научных исследователей жизни вполне уверены, что они изучают не одну только сторону жизни, а всю жизнь.

Астрономия, механика, физика, химия и все другие науки вместе, и каждая порознь, разрабатывают каждая подлежащую ей сторону жизни, не приходя ни к каким результатам о жизни вообще. Только во времена своей дикости, т. е. неясности, неопределенности, некоторые науки эти пыта-

лись с своей точки зрения охватить все явления жизни и пытались, сами выдумывая новые понятия и слова. Так это было с астрономией, когда она была астрологией, так было и с химией, когда она была алхимией. То же происходит и теперь с той опытной эволюционной наукой, которая, рассматривая одну сторону или некоторые стороны жизни, заявляет притязания на изучение всей жизни. Люди с таким ложным взглядом на свою науку никак не хотят признать того, что их исследованиям подлежат только некоторые стороны жизни, но утверждают, что вся жизнь со всеми ее явлениями будет исследована ими путем внешнего опыта. «Если, говорят они, — *«психика»* (они любят это неопределенное слово своего воляпюка) неизвестна еще нам, то она будет нам известна». Исследуя одну или несколько сторон жизненных явлений, мы узнаем все стороны; т. е., другими словами, что если очень долго и усердно смотреть на предмет с одной стороны, то мы увидим предмет со всех сторон и даже из середины.

Как ни удивительно такое странное учение, объяснимое только фанатизмом суеверия, оно существует, и, как всякое дикое фанатическое учение, производит свое губительное влияние, направляя деятельность человеческой мысли на путь ложный и праздный. Гибнут добросовестные труженики, посвящающие свою жизнь на изучение почти ненужного, гибнут материальные силы людей, направляясь туда, куда не нужно, гибнут молодые поколения, направляемые на самую праздную деятельность Киф Мокеевичей, возведенную на

степень высшего служения человечеству.

Говорят обыкновенно: наука изучает жизнь со всех сторон. Да в том-то и дело, что у всякого предмета столько же сторон, сколько радиусов в шаре, т. е. без числа, и что нельзя изучать со всех сторон, а надо знать, с какой стороны важнее, нужнее, и с которой менее важно и менее нужно. Как нельзя подойти к предмету сразу со всех сторон, так нельзя сразу и со всех сторон изучать явления жизни. И волей-неволей устанавливается последовательность. Вот в ней-то и всё дело. Последовательность же эта дается только разумением жизни.

Только правильное разумение жизни дает должное значение и направление науке вообще и каждой науке в особенности, распределяя их по важности их значения относительно жизни. Если же разумение жизни не таково, каким оно вложено во всех нас, то и самая наука будет ложная.

Не то, что мы назовем наукой, определит жизнь, а наше понятие о жизни определит то, что следует признать наукой. И потому, для того, чтобы наука была наукой, должен быть прежде решен вопрос о том, что есть наука и что не наука, а для этого должно быть уяснено понятие о жизни.

Скажу откровенно всю свою мысль: мы все знаем основной догмат веры этой ложной опытной науки.

Существует материя и ее энергия. Энергия движет, движение механическое переходит в молекулярное, молекулярное выражается теплом, электричеством, нервной, мозговой

деятельностью. И все без исключения явления жизни объясняются отношениями энергий. Всё так красиво, просто, ясно и, главное, удобно. Так что, если нет всего того, чего нам так хочется и что так упрощает всю нашу жизнь, то всё это надо как-нибудь выдумать.

И вот вся моя дерзкая мысль: главная доля энергии, страстности деятельности опытной науки зиждется на желании выдумать всё то, что нужно для подтверждения столь удобного представления.

Во всей деятельности этой науки видишь не столько желание исследовать явления жизни, сколько одну, всегда присущую заботу доказать справедливость своего основного догмата. Что потрачено сил на попытки объяснений происхождения органического из неорганического и психической деятельности из процессов организма? Не переходит органическое в неорганическое: поищем на дне моря – найдем штуку, которую назовем ядром, монерой.

И там нет; будем верить, что найдется, – тем более, что к нашим услугам целая бесконечность веков, куда мы можем спихивать всё, что должно бы быть по нашей вере, но чего нет в действительности.

То же и с переходом из органической деятельности в психическую. Нет еще? Но мы верим, что будет, и все усилия ума употребляем на то, чтобы доказать хоть возможность этого.

Споры о том, что не касается жизни, именно о том, от-

чего происходит жизнь: анимизм ли это, витализм ли, или понятие еще особой какой силы, скрыли от людей главный вопрос жизни, — тот вопрос, без которого понятие жизни теряет свой смысл, и привели понемногу людей науки, — тех, которые должны вести других, — в положение человека, который идет и даже очень торопится, но забыл, куда именно.

Но, может быть, я и умышленно стараюсь не видеть тех огромных результатов, которые дает наука в теперешнем ее направлении? Но ведь никакие результаты не могут исправить ложного направления. Допустим невозможное, — то, что всё, что желает познать теперешняя наука о жизни, о чем утверждает (хотя и сама не веря в это), что всё это будет открыто: допустим, что всё открыто, всё ясно как день. Ясно, как из неорганической материи зарождается через приспособление органическое; ясно, как физические энергии переходят в чувства, волю, мысль, и всё это известно не только гимназистам, но и деревенским школьникам.

Мне известно, что такие-то мысли и чувства происходят от таких-то движений. Ну, и что ж? Могу ли я или не могу руководить этими движениями, чтобы возбуждать в себе такие или другие мысли? Вопрос о том, какие мне надо возбуждать в себе и других мысли и чувства, остается не только нерешенным, но даже незатронутым.

Знаю я, что люди науки не затрудняются отвечать на этот вопрос. Решение этого вопроса им кажется очень просто, как просто всегда кажется решение трудного вопроса тому чело-

веку, который не понимает его. Решение вопроса о том, как устроить жизнь, когда она в нашей власти, для людей науки кажется очень просто. Они говорят: устроить так, чтобы люди могли удовлетворять своим потребностям; наука вырабатывает средства, во-первых, для того, чтобы правильно распределять удовлетворение потребностей, а во-вторых, средства производить так много и легко, что все потребности легко будут удовлетворены, и люди тогда будут счастливы.

Если же спросишь, что называется потребностью и где пределы потребностей? то на это также просто отвечают: наука – на то наука, чтобы распределить потребности на физические, умственные, эстетические, даже нравственные, и ясно определить, какие потребности и в какой мере законны и какие и в какой мере незаконны.

Она со временем определит это. Если же спросить, чем руководствоваться в определении законности и незаконности потребностей? то на это смело отвечают: изучением потребностей. Но слово потребность имеет только два значения: или условие существования, а условий существования каждого предмета бесчисленное количество, и потому все условия не могут быть изучены, или требование блага живым существом, познаваемое и определяемое только сознанием и потому еще менее могущее быть изученным опытной наукой.

Есть такое учреждение, корпорация, собрание, что ли, людей или умов, которое непогрешимо, и называется наука.

Оно всё это определит со временем.

Разве не очевидно, что такое решение вопроса есть только перефразированное царство Мессии, в котором роль Мессии играет наука, а что для того, чтобы объяснение такое объясняло что-нибудь, необходимо верить в догматы науки так же бесконтрольно, как верят Евреи в Мессию, что и делают правоверные науки, – с тою только разницей, что правоверному Еврею, представляющему себе в Мессии посланника Божия, можно верить в то, что он всё своей властью устроит отлично; для правоверного же науки по существу дела нельзя верить в то, чтобы посредством внешнего изучения потребностей можно было решить главный и единственный вопрос о жизни.

Глава I

ОСНОВНОЕ ПРОТИВОРЕЧИЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ЖИЗНИ.

Живет всякий человек только для того, чтобы ему было хорошо, для своего блага. Не чувствует человек желания себе блага, – он и не чувствует себя живущим. Человек не может себе представить жизни без желания себе блага. Жить для каждого человека всё равно, что желать и достигать блага; желать и достигать блага – всё равно, что жить.

Жизнь чувствует человек только в себе, в своей личности, и потому сначала человеку представляется, что благо, которого он желает, есть благо только его личности. Ему сначала кажется, что живет, истинно живет только он один. Жизнь других существ представляется ему совсем не такою, как своя, – она представляется ему только подобием жизни; жизнь других существ человек только наблюдает и только из наблюдений узнает, что они живут. Про жизнь других существ человек знает, когда хочет думать о них, но про себя он *знает*, ни на секунду не может перестать *знать*, что он живет, и потому настоящею жизнью представляется каждому человеку только своя жизнь. Жизнь других существ,

окружающих его, представляется ему только одним из условий его существования. Если он не желает зла другим, то только потому, что вид страдания других нарушает его благо. Если он желает добра другим, то совсем не так, как себе, — не для того, чтобы было хорошо тому, кому он желает добра, а только для того, чтобы благо других существ увеличивало благо его жизни. Важно и нужно человеку только благо в той жизни, которую он чувствует своею, т. е. своё благо.

И вот, стремясь к достижению этого своего блага, человек замечает, что благо это зависит от других существ. И, наблюдая и рассматривая эти другие существа, человек видит, что все они, и люди, и даже животные, имеют точно такое же представление о жизни, как и он. Каждое из этих существ точно так же, как и он, чувствует только свою жизнь и свое благо, считает только свою жизнь важною и настоящею, а жизнь всех других существ только средством для своего блага. Человек видит, что каждое из живых существ точно так же, как и он, должно быть готово, для своего маленького блага, лишиться большего блага и даже жизни все другие существа, а в том числе и его, так рассуждающего человека. И, поняв это, человек невольно делает то соображение, что если это так, — а он знает, что это несомненно так, — то не одно и не десяток существ, а все бесчисленные существа мира, для достижения каждое своей цели, всякую минуту готовы уничтожить его самого, — того, для которого одного и существует жизнь. И, поняв это, человек видит, что его личное благо, в

котором одном он понимает жизнь, не только не может быть легко приобретено им, но, наверное, будет отнято от него.

Чем дальше человек живет, тем больше рассуждение это подтверждается опытом, и человек видит, что жизнь мира, в которой он участвует, составленная из связанных между собой личностей, желающих истребить и съесть одна другую, не только не может быть для него благом, но будет, наверное, великим злом.

Но мало того: если даже человек и поставлен в такие выгодные условия, что он может успешно бороться с другими личностями, не боясь за свою, очень скоро и разум и опыт показывают ему, что даже те подобия блага, которые он урывает из жизни, в виде наслаждений личности, не – блага, а как будто только образчики блага, данные ему только для того, чтобы он еще живее чувствовал страдания, всегда связанные с наслаждениями. Чем дольше живет человек, тем яснее он видит, что наслаждений всё становится меньше и меньше, а скуки, пресыщения, трудов, страданий всё больше и больше. Но мало и этого: начиная испытывать ослабление сил и болезни, и глядя на болезни и старость, смерть других людей, он замечает еще и то, что и самое его существование, в котором одном он чувствует настоящую, полную жизнь, каждым часом, каждым движением приближается к ослаблению, старости, смерти; что жизнь его, кроме того, что она подвержена тысячам случайностей уничтожения от других борющихся с ним существ и всё увеличиваю-

щимся страданиям, по самому свойству своему есть только не перестающее приближение к смерти, к тому состоянию, в котором вместе с жизнью личности наверное уничтожится всякая возможность какого бы то ни было блага личности. Человек видит, что он, его личность – то, в чем одном он чувствует жизнь, только и делает, что борется с тем, с чем нельзя бороться, – со всем миром; что он ищет наслаждений, которые дают только подобия блага и всегда кончаются страданиями, и хочет удержать жизнь, которую нельзя удержать. Человек видит, что он сам, сама его личность, – то, для чего одного он желает блага и жизни, – не может иметь ни блага, ни жизни. А то, что он желает иметь: благо и жизнь, имеют только те чуждые ему существа, которых он не чувствует и не может чувствовать, и про существование которых он знает и не может и не хочет.

То, что для него важнее всего и что одно нужно ему, что – ему кажется – одно живет по настоящему, его личность, то гибнет, то будет кости, черви – не он; а то, что для него не нужно, не важно, что он не чувствует живущим, весь этот мир борющихся и сменяющихся существ, то и есть настоящая жизнь, то останется и будет жить вечно. Так что та единственно чувствуемая человеком жизнь, для которой происходит вся его деятельность, оказывается чем-то обманчивым и невозможным, а жизнь вне его, нелюбимая, нечувствуемая им, неизвестная ему, и есть единая настоящая жизнь.

То, чего он не чувствует, то только и имеет те свойства, ко-

которые он один желал бы иметь. И это не то – что так представляется человеку в дурные минуты его унылого настроения – это не представление, которое можно не иметь, а это напротив такая очевидная, несомненная истина, что если мысль эта сама хоть раз придет человеку, или другие хоть раз растолкуют ему ее, то он никогда уж не отделается от нее, ничем не выжжет ее из своего сознания.

Глава II

**ПРОТИВОРЕЧИЕ ЖИЗНИ СОЗНАНО
ЧЕЛОВЕЧЕСТВОМ С ДРЕВНЕЙШИХ
ВРЕМЕН. ПРОСВЕТИТЕЛИ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА
ОТКРЫВАЛИ ЛЮДЯМ ОПРЕДЕЛЕНИЯ
ЖИЗНИ, РАЗРЕШАЮЩИЕ ЭТО
ВНУТРЕННЕЕ ПРОТИВОРЕЧИЕ,
НО ФАРИСЕИ И КНИЖНИКИ
СКРЫВАЮТ ИХ ОТ ЛЮДЕЙ.**

Единственная представляющаяся сначала человеку цель жизни есть благо его личности, но блага для личности не может быть; если бы и было в жизни нечто, похожее на благо, то жизнь, в которой одной возможно благо, жизнь личности, каждым движением, каждым дыханием неудержимо влечется к страданиям, к злу, к смерти, к уничтожению.

И это так очевидно и так ясно, что всякий мыслящий человек, и молодой и старый, и образованный и необразованный, всякий видит это. Рассуждение это так просто и естественно, что оно представляется всякому человеку разумному и с древнейших времен было известно человечеству.

«Жизнь человека, как личности, стремящейся только к

своему благу, среди бесконечного числа таких же личностей, уничтожающих друг друга и самих уничтожающихся, есть зло и бессмыслица, и жизнь истинная не может быть такою». С древнейших времен сказал себе это человек, и это внутреннее противоречие жизни человека с необычайной силой и ясностью было выражено и Индийскими, и Китайскими, и Египетскими, и Греческими, и Еврейскими мудрецами, и с древнейших времен разум человека был направлен на познание такого блага человека, которое не уничтожалось бы борьбой существ между собою, страданиями и смертью. В большем и большем уяснении этого несомненного, ненарушимого борьбою, страданиями и смертью блага человека и состоит всё движение вперед человечества с тех пор, как мы знаем его жизнь.

С самых древних времен и в самых различных народах великие учителя человечества открывали людям всё более и более ясные определения жизни, разрешающие ее внутреннее противоречие, и указывали им истинное благо и истинную жизнь, свойственные людям. А так как положение в мире всех людей одинаково, и потому одинаково для всякого человека противоречие его стремления к своему личному благу и сознания невозможности его, то одинаковы, по существу, и все определения истинного блага и потому истинной жизни, открытые людям величайшими умами человечества.

«Жизнь – это распространение того света, который для блага людей сошел в них с неба», сказал Конфуций за 600

лет до Р. Х.

«Жизнь – это странствование и совершенствование душ, достигающих всё большего и большего блага», сказали брамины того же времени. «Жизнь – это отречение от себя для достижения блаженной нирваны», сказал Будда, современник Конфуция. «Жизнь – это путь смирения и унижения для достижения блага», сказал Лао-Дзи, тоже современник Конфуция. «Жизнь – это то, что вдунул Бог в ноздри человека, для того, чтобы он, исполняя его закон, получил благо», говорит Еврейская мудрость. «Жизнь – это подчинение разуму, дающее благо человеку», сказали стоики. «Жизнь – это любовь к Богу и ближнему, дающая благо человеку», сказал Христос, включая в свое определение все предшествующие.

Таковы определения жизни, которые за тысячи лет до нас, указывая людям вместо ложного и невозможного блага личности действительное, неуничтожимое благо, разрешают противоречие человеческой жизни и дают ей разумный смысл. Можно не соглашаться с этими определениями жизни, можно предполагать, что определения эти могут быть выражены точнее и яснее, но нельзя не видеть того, что определения эти таковы, что признание их, уничтожая противоречие жизни и заменяя стремление к недостижимому благу личности другим стремлением – к неуничтожаемому страданиями и смертью благу, дает жизни разумный смысл. Нельзя не видеть и того, что определения эти, будучи теоретически верны, подтверждаются и опытом жизни, и что миллионы и

миллионы людей, признававшие и признающие такие определения жизни, на деле показывали и показывают возможность замены стремления к благу личности другим стремлением к благу такому, которое не нарушается страданиями и смертью.

Но кроме тех людей, которые понимали и понимают определения жизни, открытые людям великими просветителями человечества, и живут ими, всегда было и есть огромное большинство людей, которые в известный период жизни, а иногда во всю свою жизнь, жили и живут одной животной жизнью, не только не понимая тех определений, которые служат разрешением противоречия человеческой жизни, но не видя даже и того противоречия ее, которое они разрешают. И всегда были и теперь есть среди этих людей еще такие люди, которые вследствие своего внешнего исключительно положения считают себя призванными руководить человечеством и сами, не понимая смысла человеческой жизни, учили и учат других людей жизни, которой они не понимают: тому, что жизнь человеческая есть не что иное, как личное существование.

Такие ложные учителя существовали во все времена и существуют и в наше время. Одни исповедуют на словах учения тех просветителей человечества, в преданиях которых они воспитаны, но, не понимая их разумного смысла, обращают эти учения в сверхъестественные откровения о прошедшей и будущей жизни людей и требуют только исполне-

ния обрядов. Это учение фарисеев в самом широком смысле, т. е. людей, учащих тому, что сама в себе неразумная жизнь может быть исправлена верою в другую жизнь, приобретаемую исполнением внешних обрядов.

Другие, непризнающие возможности никакой другой жизни, кроме видимой, отрицают всякие чудеса и всё сверхъестественное и смело утверждают, что жизнь человека есть не что иное, как его животное существование от рождения и до смерти. Это учение книжников, – людей, учащих тому, что в жизни человека, как животного, и нет ничего неразумного.

И те и другие лжеучители, несмотря на то, что учения и тех и других основаны на одном и том же грубом непонимании основного противоречия человеческой жизни, всегда враждовали и враждуют между собой. Оба учения эти царствуют в нашем мире и, враждуя друг с другом, наполняют мир своими спорами, – этими самыми спорами скрывая от людей те определения жизни, открывающие путь к истинному благу людей, которые уже за тысячи лет даны человечеству.

Фарисеи, не понимая того определения жизни, которое дано людям теми учителями, в преданиях которых они воспитаны, заменяют его своими лжетолкованиями о будущей жизни и вместе с тем стараются скрыть от людей определения жизни других просветителей человечества, выставляя их перед своими учениками в самом их грубом и жестоком

извращении, полагая тем поддержать исключительный авторитет того учения, на котором они основывают свои толкования.

Книжники же, и не подозревая в фарисейских учениях тех разумных основ, на которых они возникли, прямо отрицают всякие учения о будущей жизни и смело утверждают, что все эти учения не имеют никакого основания, а суть только остатки грубых обычаев невежества, и что движение вперед человечества состоит в том, чтобы не задавать себе никаких вопросов о жизни, выходящих за пределы животного существования человека.

Глава III

ЗАБЛУЖДЕНИЯ КНИЖНИКОВ.

И удивительное дело! То, что все учения великих умов человечества так поражали людей своим величием, что грубые люди придавали им большей частью сверхъестественный характер и признавали основателей их полубогами, – то самое, что служит главным признаком значительности этих учений, – это самое обстоятельство и служит для книжников лучшим, как им кажется, доказательством неправильности и отсталости этих учений. То, что незначительные учения Аристотеля, Бэкона, Конта и других оставались и остаются всегда достоянием малого числа их читателей и почитателей и по своей ложности никогда не могли влиять на массы и потому не подверглись суеверным искажениям и наростам, этот-то признак незначительности их признается доказательством их истинности. Учения же Браминов, Будды, Зороастра, Лаодзы, Конфуция, Исаии, Христа, считаются суевериями и заблуждениями только потому, что эти учения переворачивали жизнь миллионов.

То, что по этим суевериям жили и живут миллиарды людей, потому что даже и в искаженном виде они дают людям

ответы на вопросы об истинном благе жизни, то, что учения эти не только разделяются, но служат основой мышления лучших людей всех веков, а что теории, признаваемые книжниками, разделяются только ими самими, всегда оспариваются и не живут иногда и десятков лет, и забываются так же быстро, как возникают, не смущает их нисколько.

Ни в чем с такою яркостью не выражается то ложное направление знания, которому следует современное общество, как то место, которое занимают в этом обществе учения тех великих учителей жизни, по которым жило и образовывалось и продолжает жить и образовываться человечество. В календарях значится, в отделе статистических сведений, что вер, исповедуемых теперь обитателями земного шара, – 1000. В числе этих вер предполагаются Буддизм, Брамаизм, Конфуцианство, Таосизм и Христианство. – Вер 1000, и люди нашего времени совершенно искренно верят в это. Вер 1000, все они вздор, – что же их изучать? И люди нашего времени за стыд считают, если они не знают последних изречений мудрости Спенсера, Гельмгольца и других, но о Браминах, Будде, Конфуции, Менции, Лао-дзы, Эпиктете, Исаии иногда знают имена, а иногда и того не знают. Им и в голову не приходит, что вер, исповедуемых в наше время, вовсе не тысяча, а только три: китайская, индийская и еврейско-христианская (с своим отростком магометанством), и что книги этих вер можно купить за 5 руб. и прочесть в две недели, и что в этих книгах, по которым жило и теперь живет всё

человечество, за исключением 0,07 почти неизвестных нам, заключена вся мудрость человеческая, всё то, что сделало человечество таким, какое оно есть. Но мало того, что толпа не знает этих учений, – ученые не знают их, если это не их специальность; философы по профессии не считают нужным заглядывать в эти книги. Да и зачем изучать тех людей, которые разрешали создаваемое разумным человеком противоречие его жизни и определяли истинное благо и жизнь людей? Книжники, не понимая того противоречия, которое составляет начало разумной жизни, смело утверждают, что так как они его не видят, то противоречия и нет никакого, и что жизнь человека есть только его животное существование.

Зрячие понимают и определяют то, что видят перед собой, – слепой тыкает перед собою палкой и утверждает, что и нет ничего, кроме того, что показывает ему ошупь палки.

Глава IV

УЧЕНИЕ КНИЖНИКОВ ПОД ПОНЯТИЕ ВСЕЙ ЖИЗНИ ЧЕЛОВЕКА ПОДСТАВЛЯЕТ ВИДИМЫЕ ЯВЛЕНИЯ ЕГО ЖИВОТНОГО СУЩЕСТВОВАНИЯ И ИЗ НИХ ДЕЛАЕТ ВЫВОДЫ О ЦЕЛИ ЕГО ЖИЗНИ.

«Жизнь – это то, что делается в живом существе со времени его рождения и до смерти. Родится человек, собака, лошадь, у каждого свое особенное тело, и вот живет это особенное его тело, а потом умрет; тело разложится, пойдет в другие существа, а того прежнего существа не будет. Была жизнь и кончилась жизнь; бьется сердце, дышат легкие, тело не разлагается, значит жив человек, собака, лошадь; перестало биться сердце, кончилось дыхание, стало разлагаться тело – значит умер, и нет жизни. Жизнь и есть то, что происходит в теле человека, так же как и животного, в промежуток времени между рождением и смертью. Что может быть яснее?» Так смотрели и всегда смотрят на жизнь самые грубые, невежественные люди, едва выходящие из животного состояния. И вот в наше время учение книжников, называющее себя наукой, признает это самое грубое первобытное

представление о жизни единым истинным. Пользуясь всеми теми орудиями внешнего знания, которые приобрело человечество, ложное учение это систематически хочет вести назад людей в тот мрак невежества, из которого с таким напряжением и трудом оно выбивалось столько тысяч лет.

Жизнь мы не можем определить в своем сознании, говорит это учение. Мы заблуждаемся, рассматривая ее в себе. То понятие о благе, стремление к которому в нашем сознании составляет нашу жизнь, есть обманчивый призрак, и жизнь нельзя понимать в этом сознании. Чтобы понять жизнь, надо только наблюдать ее проявления, как движение вещества. Только из этих наблюдений и выведенных из них законов мы найдем и закон самой жизни, и закон жизни человека.

И вот ложное учение, подставив под понятие всей жизни человека, известной ему в его сознании, видимую часть ее – животное существование, – начинает изучать эти видимые явления сначала в животном человеке, потом в животных вообще, потом в растениях, потом в веществе, постоянно утверждая при этом, что изучаются не некоторые проявления, а сама жизнь. Наблюдения так сложны, так многообразны, так запутанны, так много времени и усилия тратится на них, что люди понемногу забывают о первоначальной ошибке признания части предмета за весь предмет и под конец вполне убеждаются, что изучение видимых свойств вещества, растений и животных и есть изучение самой жизни,

той жизни, которая, познается человеком только в его сознании.

Совершается нечто подобное тому, что делает показывающий что-нибудь на тени и желающий поддержать то заблуждение, в котором находятся его зрители.

«Не смотрите никуда, – говорит показывающий, – кроме как на ту сторону, где появляются отражения, и главное, не глядите на самый предмет; ведь предмета и нет, а есть только отражение его».

Это самое и делает потворствующая грубой толпе ложная наука книжников нашего времени, рассматривая жизнь без главного определения ее, стремления к благу, открытого только в сознании человека. Исходя прямо из определения жизни независимо от стремления к благу, ложная наука наблюдает цели живых существ и, находя в них цели, чуждые человеку, навязывает их ему.

Целью живых существ представляется при этом внешнем наблюдении – сохранение своей личности, сохранение своего вида, воспроизведение себе подобных и борьба за существование, и эта самая воображаемая цель жизни навязывается и человеку.

Ложная наука, взявшая за исходную точку отсталое представление о жизни, при котором не видно то противоречие жизни человеческой, которое составляет главное ее свойство, – эта мнимая наука в своих последних выводах приходит к тому, чего требует грубое большинство человечества, –

к признанию возможности блага одной личной жизни, к признанию для человека благом одного животного существования.

Ложная наука идет дальше даже требований грубой толпы, которым она хочет найти объяснение, — она приходит к утверждению того, что с первого проблеска своего отвергает разумное сознание человека, приходит к выводам о том, что жизнь человека, как и всякого животного, состоит в борьбе за существование личности, рода и вида.

Глава V

**ЛЖЕУЧЕНИЯ ФАРИСЕЕВ И КНИЖНИКОВ
НЕ ДАЮТ НИ ОБЪЯСНЕНИЯ СМЫСЛА
НАСТОЯЩЕЙ ЖИЗНИ, НИ РУКОВОДСТВА
В НЕЙ; ЕДИНСТВЕННЫМ РУКОВОДСТВОМ
ЖИЗНИ ЯВЛЯЕТСЯ ИНЕРЦИЯ ЖИЗНИ, НЕ
ИМЕЮЩАЯ РАЗУМНОГО ОБЪЯСНЕНИЯ.**

«Жизнь определять нечего: всякий ее знает, вот и всё, и давайте жить», говорят в своем заблуждении люди, поддерживаемые ложными учениями. И не зная, что такое жизнь и ее благо, им кажется, что они живут, как может казаться человеку, несомому по волнам без всякого направления, что он плывет туда, куда ему надобно и хочется.

Родится ребенок в нужде или роскоши и получает воспитание фарисейское или книжническое. Для ребенка, для юноши не существует еще противоречия жизни и вопроса о ней, и потому ни объяснение фарисеев, ни объяснение книжников не нужны ему и не могут руководить его жизнью. Он учится одним примером людей, живущих вокруг него, и пример этот, и фарисеев и книжников, одинаков: и те и другие живут только для блага личной жизни, и тому же поучают и

его.

Если родители его в нужде, он узнает от них, что цель жизни – приобретение побольше хлеба и денег и как можно меньше работы, для того, чтобы животной личности было как можно лучше. Если он родился в роскоши, он узнает, что цель жизни – богатство и почести, чтобы как можно приятнее и веселее проводить время.

Все знания, которые приобретает бедный, нужны для него только ради того, чтобы улучшить благосостояние своей личности. Все знания науки и искусств, которые приобретает богатый, несмотря на все высокие слова о значении науки и искусств, нужны ему только для того, чтобы побороть скуку и провести приятно время. Чем дольше живет и тот и другой, тем сильнее и сильнее всасывается в них царствующий взгляд людей мира. Они вступают в брак, заводятся семьей, и жадность к приобретению благ животной жизни усиливается оправданием семьи: борьба с другими ожесточается и устанавливается (инерция) привычка жизни только для блага личности.

Если и западет тому или другому, бедному или богатому, сомнение в разумности такой жизни, если тому и другому представится вопрос о том, зачем эта бесцельная борьба за свое существование, которое будут продолжать мои дети, или зачем эта обманчивая погоня за наслаждениями, которые кончаются страданиями для меня и для моих детей, то нет почти никакого вероятия, чтобы он узнал те определе-

ния жизни, которые давным-давно даны были человечеству его великими учителями, находившимися, за тысячи лет до него, в том же положении. Учения фарисеев и книжников так плотно заслоняют их, что редкому удастся увидеть их. Одни – фарисеи – на вопрос о том: «зачем эта бедственная жизнь?» – отвечают: «жизнь бедственна и всегда была и должна быть такою; благо жизни не в ее настоящем, а в ее прошедшем – до жизни, и будущем – после жизни». И Браминские, и Буддийские, и Таасийские, и Еврейские, и Христианские фарисеи говорят всегда одно и то же. Жизнь настоящая – зло, и объяснение этого зла в прошедшем – в появлении мира и человека; исправление же существующего зла – в будущем, за гробом. Всё, что может сделать человек для приобретения блага, не в этой, но в будущей жизни, это верить в то учение, которое мы преподаем вам, – исполнять обряды, которые мы предписываем.

И сомневающийся, видя на жизни всех людей, живущих для личного блага, и на жизни самих фарисеев, живущих для того же, неправду этого объяснения, не углубляясь в смысл их ответа, прямо не верит им и обращается к книжникам. «Все учения о другой какой-то жизни, чем та, какую мы видим в животной, есть плод невежества, говорят книжники. Все твои сомнения в разумности твоей жизни суть праздные мечтания. Жизнь миров, земли, человека, животного, растения имеет свои законы, и мы изучаем их, мы исследуем происхождение миров и человека, животных и растений, и всего

вещества; мы исследуем и то, что ожидает миры, как остынет солнце и т. п., и что было и будет с человеком и со всяким животным и растением. Мы можем показать и доказать, что всё так было и будет, как мы говорим; наши исследования, кроме того, содействуют улучшению благосостояния человека. О жизни же твоей, с твоим стремлением к благу, мы ничего тебе сказать не можем, кроме того, что ты и без нас знаешь: живешь, так и живи, как получше».

И сомневающийся, не получив на свой вопрос никакого ответа ни от тех, ни от других, остается, как и был прежде, без всякого руководства в жизни, кроме побуждений своей личности.

Одни из сомневающихся, по рассуждению Паскаля, сказав себе: «а что как правда всё то, чем пугают фарисеи за неисполнение их предписаний», исполняют в свободное время все предписания фарисеев (потери не будет, а выгода может быть большая), а другие, соглашаясь с книжниками, прямо отрицают всякую другую жизнь и всякие религиозные обряды и говорят себе: «не я один, а все так жили и живут, — что будет, то будет». И это различие не дает ни тем, ни другим никакого преимущества: и те и другие остаются без всякого объяснения смысла их настоящей жизни.

А жить надо.

Жизнь человеческая есть ряд поступков от вставанья до постели; каждый день человек должен не переставая выбирать из сотни возможных для него поступков те, которые он

сделает. Ни учение фарисеев, объясняющее тайны небесной жизни, ни учение книжников, исследующее происхождение миров и человека, и делающее заключение о будущей судьбе их, не дает такого руководства поступков. А без руководства в выборе своих поступков человек не может жить. И вот тут-то человек, волей-неволей, подчиняется уже не рассуждению, а тому внешнему руководству жизни, которое всегда существовало и существует в каждом обществе людей.

Руководство это не имеет никакого разумного объяснения, но оно-то и движет огромным большинством поступков всех людей. Руководство это есть привычка жизни обществ людей, тем сильнее властвующая над людьми, чем меньше у людей понимания смысла своей жизни. Руководство это не может быть определенно выражено, потому что слагается оно из самых разнообразных, по времени и месту, дел и поступков. Это: свечки на дощечках родителей для Китайцев; это – паломничество к известным местам магометанина, – известное количество молитвенных слов для Индейца; это – верность своему знамени и честь мундира для военного, дуэль для светского человека, кровомщение для горца; это – известные кушанья в известные дни, известного рода воспитание своих детей; это – визиты, известное убранство жилищ, известные празднованья похорон, родин, свадеб. Это: бесчисленное количество дел и поступков, наполняющих всю жизнь. Это – то, что называется приличием, обычаем, а чаще всего долгом и даже священным долгом.

И вот этому-то руководству, помимо объяснений жизни фарисеев и книжников, и подчиняется большинство людей. Везде вокруг себя с детства человек видит людей, с полной уверенностью и внешнею торжественностью исполняющих эти дела, и, не имея никакого разумного объяснения своей жизни, человек не только начинает делать такие же дела, но этим делам старается приписать разумный смысл. Ему хочется верить, что люди, делающие эти дела, имеют объяснение того, для чего и почему они делают то, что делают. И он начинает убеждать себя, что дела эти имеют разумный смысл и что объяснение их смысла если и не вполне известно ему, то известно другим людям. Но большинство других людей, не имея также разумного объяснения жизни, находятся совершенно в том же положении, как и он. Они делают эти дела только потому, что им кажется, что другие, имея объяснение этих дел, требуют их от них. И так, невольно обманывая друг друга, люди всё больше и больше не только привыкают делать дела, не имеющие разумного объяснения, но привыкают приписывать этим делам какой-то таинственный, непонятный для них самих смысл. И чем меньше они понимают смысл исполняемых ими дел, чем сомнительнее для них самих эти дела, тем больше приписывают они им важности и тем с большей торжественностью исполняют их. И богатый и бедный исполняют то, что делают вокруг них другие, и дела эти называют своим долгом, священным долгом, успокоивая себя тем, что то, что делается так давно, таким большим

количеством людей и так высоко ценится ими, не может не быть настоящим делом жизни. И до глубокой старости, до смерти доживают люди, стараясь уверить себя, что если они сами не знают, зачем они живут, то это знают другие – те самые, которые точно так же мало знают это, как и те, которые на них полагаются.

Приходят в существование, рождаются, вырастают новые люди и, глядя на эту сутолоку существования, называемую жизнью, в которой принимают участие старые, седые, почтенные, окружаемые уважением люди, уверяются, что эта-то безумная толкотня и есть жизнь, и другой никакой нет, и уходят, потолкавшись у дверей ее. Так, невидавший никогда собрания человек, увидав теснящуюся, шумящую, оживленную толпу у входа, и решив, что это и есть самое собрание, потолкавшись у дверей, уходит домой с помятыми боками и с полной уверенностью, что он был в собрании.

Прорезываем горы, облетаем мир; электричество, микроскопы, телефоны, войны, парламент, филантропия, борьба партий, университеты, ученые общества, музеи... это ли не жизнь?

Вся сложная, кипучая деятельность людей с их торговлей, войнами, путями сообщения, наукой, искусствами есть большей частью только давка обезумевшей толпы у дверей жизни.

Глава VI

РАЗДВОЕНИЕ СОЗНАНИЯ В ЛЮДЯХ НАШЕГО МИРА.

«Но истинно, истинно, говорю вам: наступает время и настало уже, когда мертвые услышат глас сына Божия и, услышав, оживут». И время это приходит. Сколько бы ни уверял себя человек, и сколько бы ни уверяли его в этом другие, что жизнь может быть благою и разумною только за гробом, или что одна личная жизнь может быть благою и разумною, — человек не может верить в это. Человек имеет в глубине души своей неизгладимое требование того, чтобы жизнь его была благом и имела разумный смысл, а жизнь, не имеющая перед собой никакой другой дели, кроме загробной жизни или невозможного блага личности, есть зло и бессмыслица.

Жить для будущей жизни? говорит себе человек. Но если та жизнь, тот единственный образчик жизни, который я знаю, — моя теперешняя жизнь, — должна быть бессмысленной, то это не только не утверждает меня в возможности другой, разумной жизни, но, напротив, убеждает меня в том, что жизнь по существу своему бессмысленна, что никакой другой, кроме бессмысленной жизни, и быть не может.

Жить для себя? Но ведь моя жизнь личная есть зло и бессмыслица. Жить для своей семьи? Для своей общины? Отечества, человечества даже? Но если жизнь моей личности бедственна и бессмысленна, то так же бессмысленна и жизнь всякой другой человеческой личности, и потому бесконечное количество собранных вместе бессмысленных и неразумных личностей не составят и одной блаженной и разумной жизни. Жить самому, не зная зачем, делая то, что делают другие? Да ведь я знаю, что другие, так же как и я, не знают сами, зачем они делают то, что делают.

Приходит время, когда разумное сознание перерастает ложные учения, и человек останавливается посреди жизни и требует объяснения.

Только редкий человек, не имеющий сношений с людьми других образов жизни, и только человек, постоянно занятый напряженной борьбой с природой для поддержания своего телесного существования, может верить в то, что исполнение тех бессмысленных дел, которые он называет своим долгом, может быть свойственным ему долгом его жизни.

Наступает время и наступило уже, когда обман, выдающий отрицание – на словах – этой жизни, для приготовления себе будущей, и признание одного личного животного существования за жизнь и так называемого долга за дело жизни, – когда обман этот становится ясным для большинства людей, и только забитые нуждой и оупевшие от похотливой жизни люди могут еще существовать, не чувствуя бессмысленности

и бедственности своего существования.

Чаще и чаще просыпаются люди к разумному сознанию, оживают в гробах своих, – и основное противоречие человеческой жизни, несмотря на все усилия людей скрыть его от себя, со страшной силой и ясностью становится перед большинством людей.

«Вся жизнь моя есть желание себе блага», говорит себе человек пробудившийся, – «разум же мой говорит мне, что блага этого для меня быть не может, и что бы я ни делал, чего бы ни достигал, всё кончится одним и тем же: страданиями и смертью, уничтожением. Я хочу блага, я хочу жизни, я хочу разумного смысла, а во мне и во всем меня окружающем – зло, смерть, бессмыслица... Как быть? Как жить? Что делать?» И ответа нет.

Человек оглядывается вокруг себя и ищет ответа на свой вопрос и не находит его. Он найдет вокруг себя учения, которые ответят ему на вопросы, которых он и не делает себе, но ответа на вопрос, который он ставит себе, нет в окружающем мире. Есть одна суeta людей, делающих, сами не зная зачем, дела, которые другие делают, сами не зная зачем.

Все живут, как будто и не сознавая бедственности своего положения и бессмысленности своей деятельности. «Или *они* безумны, или я, – говорит себе проснувшийся человек. Но все не могут быть безумны, стало-быть, безумен-то я. Но нет, – то разумное я, которое говорит мне это, не может быть безумно. Пускай оно будет одно против всего мира, но я не

могу не верить ему».

И человек сознает себя одним во всем мире с теми страшными вопросами, которые разрывают его душу. А жить надо.

Одно я, его личность, велит ему жить.

А другое я, его разум, говорит: «жить нельзя».

Человек чувствует, что он раздвоился. И это раздвоение мучительно раздирает душу его.

И причиною этого раздвоения и страдания ему кажется его разум.

Разум, та высшая способность человека, необходимая для его жизни, которая дает ему, нагому, беспомощному человеку, среди разрушающих его сил природы, – и средства к существованию и средства к наслаждению, – эта-то способность отравляет его жизнь.

Во всем окружающем мире, среди живых существ, свойственные этим существам способности нужны им, общи всем им и содействуют их благу. Растения, насекомые, животные, подчиняясь своему закону, живут блаженной, радостной, спокойной жизнью. И вдруг в человеке это высшее свойство его природы производит в нем такое мучительное состояние, что часто, – всё чаще и чаще в последнее время, – человек разрубает Гордиев узел своей жизни, убивает себя, только бы избавиться от доведенного в наше время до последней степени напряжения мучительного внутреннего противоречия, производимого разумным сознанием.

Глава VII

РАЗДВОЕНИЕ СОЗНАНИЯ ПРОИСХОДИТ ОТ СМЕШЕНИЯ ЖИЗНИ ЖИВОТНОГО С ЖИЗНЬЮ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ.

Человеку кажется, что пробудившееся в нем разумное сознание разрывает и останавливает его жизнь только потому, что он признает своей жизнью то, что не было, не есть и не могло быть его жизнью.

Воспитавшись и выросши в ложных учениях нашего мира, утвердивших его в уверенности, что жизнь его есть не что иное, как его личное существование, начавшееся с его рождением, человеку кажется, что он жил, когда был младенцем, ребенком; потом ему кажется, что он не переставая жил, будучи юношей и возмужалым человеком. Он жил, как ему кажется, очень давно, и всё время не переставая жил, и вот вдруг дожил до того времени, когда ему стало несомненно ясно, что жить так, как он жил прежде, нельзя, и что жизнь его останавливается и разрывается.

Ложное учение утвердило его в мысли, что жизнь его есть период времени от рождения до смерти; и, глядя на видимую жизнь животных, он смешал представление о видимой жиз-

ни с своим сознанием и совершенно уверился в том, что эта видимая им жизнь и есть его жизнь.

Пробудившееся в нем разумное сознание, заявив такие требования, которые неудовлетворимы для жизни животной, указывает ему ошибочность его представления о жизни; но введшееся в него ложное учение мешает ему признать свою ошибку: он не может отказаться от своего представления о жизни, как животного существования, и ему кажется, что жизнь его остановилась от пробуждения разумного сознания. Но то, что он называет своей жизнью, — то, что ему кажется остановившимся, никогда и не существовало. То, что он называет своей жизнью, его существование от рождения, никогда и не было его жизнью; представление его о том, что он жил всё время от рождения и до настоящей минуты, есть обман сознания, подобный обману сознания при сновидениях: до пробуждения не было никаких сновидений, они все сложились в момент пробуждения. До пробуждения разумного сознания не было никакой жизни, представление о прошедшей жизни сложилось при пробуждении разумного сознания.

Человек жил как животное во время ребячества и ничего не знал о жизни. Если бы человек прожил десять месяцев, он бы ничего не знал ни о своей, ни о какой бы то ни было жизни; так же мало знал бы о жизни, как и тогда, когда бы он умер в утробе матери. И не только младенец, но и неразумный взрослый, и совершенный идиот не могут знать про

то, что они живут и живут другие существа. И потому они и не имеют человеческой жизни.

Жизнь человеческая начинается только с проявления разумного сознания, – того самого, которое открывает человеку одновременно и свою жизнь, и в настоящем и в прошедшем, и жизнь других личностей, и всё, неизбежно вытекающее из отношений этих личностей, страдания и смерть, – то самое, что производит в нем отрицание блага личной жизни и противоречие, которое, ему кажется, останавливает его жизнь.

Человек хочет определять свою жизнь временем, как он определяет видимое им существование вне себя, и вдруг в нем пробуждается жизнь, не совпадающая с временем его плотского рождения, и он не хочет верить тому, что то, что не определяется временем, может быть жизнью. Но сколько бы ни искал человек во времени той точки, с которой бы он мог считать начало своей разумной жизни, он никогда не найдет ее.

В своих воспоминаниях он никогда не найдет этой точки, этого начала разумного сознания. Ему представляется, что разумное сознание всегда было в нем. Если же он и находит нечто, подобное началу этого сознания, то он находит его уже никак не в своем плотском рождении, а в области, не имеющей ничего общего с этим плотским рождением. Он сознает свое разумное происхождение вовсе не таким, каким ему видится его плотское рождение. Спрашивая себя о

происхождении своего разумного сознания, человек никогда не представляет себе, чтобы он, как разумное существо, был сын своего отца, матери и внук своих дедов и бабок, родившихся в таком-то году, а он сознает себя всегда не то, что сыном, но слитым в одно с сознанием самых чуждых ему по времени и месту разумных существ, живших иногда за тысячи лет и на другом конце света. В разумном сознании своем человек не видит даже никакого происхождения себя, а сознает свое вневременное и внепространственное слияние с другими разумными сознаниями, так что они входят в него и он в них. Это-то пробудившееся в человеке разумное сознание и останавливает как будто то подобие жизни, которое заблудшие люди считают жизнью: заблудшим людям кажется, что жизнь их останавливается именно тогда, когда она пробуждается.

Глава VIII

РАЗДВОЕНИЯ И ПРОТИВОРЕЧИЯ НЕТ, ОНО ЯВЛЯЕТСЯ ТОЛЬКО ПРИ ЛОЖНОМ УЧЕНИИ.

Только ложное учение о человеческой жизни, как о существовании животного от рождения до смерти, в котором воспитываются и поддерживаются люди, производит то мучительное состояние раздвоения, в которое вступают люди при обнаружении в них их разумного сознания.

Человеку, находящемуся в этом заблуждении, кажется, что жизнь раздваивается в нем.

Человек знает, что жизнь его одна, а чувствует их две. Человек, перекрутив два пальца и между ними катая шарик, знает, что шарик один, но чувствует их два. Нечто подобное происходит с человеком, усвоившим ложное представление о жизни.

Разум человека ложно направлен. Его научили признавать жизнью одно свое плотское личное существование, которое не может быть жизнью.

С таким ложным представлением о воображаемой жизни он взглянул на жизнь и увидал их две – ту, которую он вооб-

ражал себе, и ту, которая действительно есть.

Такому человеку кажется, что отрицание разумным сознанием блага личного существования и требование другого блага есть нечто болезненное и неестественное.

Но для человека, как разумного существа, отрицание возможности личного блага и жизни есть неизбежное последствие условий личной жизни и свойства разумного сознания, соединенного с нею. Отрицание блага и жизни личности есть для разумного существа такое же естественное свойство его жизни, как для птицы летать на крыльях, а не бегать ногами. Если не оперившийся птенец бежит ногами, то это не доказывает того, чтобы ему несвойственно было летать. Если мы вне себя видим людей с непробудившимся сознанием, полагающих свою жизнь в благе личности, то это не доказывает того, чтобы человеку было несвойственно жить разумною жизнью. Пробуждение человека к его истинной, свойственной ему жизни происходит в нашем мире с таким болезненным напряжением только от того, что ложное учение мира старается убедить людей в том, что призрак жизни есть сама жизнь и что проявление истинной жизни есть нарушение ее.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.